

Чувство душевного равновесия поэт обретает и в творчестве, задумываясь о том, что такое слово, поэзия, в чем предназначение поэта и поэзии. Несмотря на заверение «Я пушкинской строки не напишу», служение Музе он воспринимает как долг: «Живу строкой, строкой дышу / И нахожу / Великую отраду / При мысли, что случайная душа / И мне, быть может, сердцем отзовется». В стих. **«Не просто жить среди этой кутерьмы...»** (1997) поэт скажет: «И, может быть, за то, что сквозь потемки / Я честно нес словесные вериги, / Произнесут когда-нибудь потомки, / Что жизнь моя была достойна книги».

Важное место в поэзии К. занимает любовная лирика. Лучшие стихи — **«Желание»** (1993), **«Чтоб наши души в жизни повстречались...»** (1994), **«Как двум плывцам в безбрежном океане...»** (1994). «Они выявляют сущность его натуры: и в любви, как и в Боге, он стремится обрести нечто твердое, неколебимое, можно сказать, предопределенное» (Пантелеймонов Н. «Когда весь мир с тобой наедине...» // Лит. Петербург. 1998. № 1).

Во мн. стихах К. слышится эхо тютчевской традиции: «И сих царей умолкли имена, / Гласят о них лишь камни гробовые. / И грозные истлели знамена, / Вещавшие в минуты роковые» (**«Вестминстерское аббатство»**, 1996). «Вам не понять российской смутной воли / И наших бед последнего витка, / А мы страдаем до последней боли, / Вникая в суть вселенскую цветка» (**«Западу»**, 1991). В этом же ряду — **«Бывают дни такие у природы...»** (1991), **«Когда весь мир с тобой наедине»** (1995), **«Поэт»** (1991) и др.

Второй сб. стихов К. **«Я снился бабочкой себе»** (2000) подтвердил верность поэта своим нравственным ориентирам. Программно для К. звучит стих. **«На мой уход ничто не отзовется...»** (1994): «На мой уход ничто не отзовется, / И на заре невиданного дня / Беспечный мир, как прежде, улыбнется, / Но в нем не будет места для меня / <...> Посеюсь маком, расцвету сиренью, / И протекую таинственным ручьем, / И уподоблюсь ангельскому пенью, / Но только знать не буду я о том».

Мн. стихи сб. выявляют новые качества поздней лирики поэта: рефлексию, пессимизм: «С молодых ногтей пытался я понять / Что значит жизнь и кто ее создатель? / Пылливой мыслью был готов принять / И божий гнев, и светлой благодати. / Но жизнь прошла, и что она была — / Постичь не удалось

мне ни на йоту. / Как облако над полем проплыла / Счастливый дар немому идиоту (**«С молодых ногтей пытался я понять...»**, 1999).

Итоговый сб. **«Голоса и лица. Стихи разных лет»** (2004) дает достаточно полное представление о К.-поэте.

В книге **«Яйцо Леды»** (2003) собраны статьи, рецензии, воспоминания о лит. и худож. жизни Ленинграда-Петербурга, написанные К. в 1975–2002, а также лит. портреты писателей-современников, заметки по общему вопросам искусства.

Широкую известность К. приобрел и как педагог, мн. годы возглавляющий детско-юношеский лит. клуб «Дерзание» при Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных.

Соч.: Это имя твоё: сб. статей. М., 1983; Верность выбора: сб. статей. М., 1986; О любви: рассказы. Л., 1989; Камни со дна реки: рассказы. Л., 1990; Тайны любви: рассказы. Л., 1991; Мой сад: стихотворения. СПб., 1996; Солнечный сентябрь: рассказы. СПб., 1998; Я снился бабочкой себе...: стихотворения. СПб., 2000; Малышка-медуза: рассказы. СПб., 2000; Избранное: стихи и проза. СПб., 2001; Яйцо Леды. СПб., 2003; Голоса и лица: Стихи разных лет. СПб., 2004.

Лит.: Балувев С. Любовные секреты // Примечания. Вып. 1. Л., 1990; Пантелеймонов Н. Еще раз о любви // Лит. вестник. 1991. № 3; Беззубцев-Кондаков А. Виктор Кречетов // Императорская муза. СПб., 1996. С. 322–329; Беззубцев-Кондаков А. Светлый дар // Музы на Фонтанке. СПб., 1998. Вып. 5. С. 45–48; Морозов Г. Пройдут свиданья и разлуки // Музы на Фонтанке. 1998. Вып. 6. СПб., 1998. С. 98–102; Коняев Н. Современная несовременность // Морская газ. 1999. 9 нояб.; Солохин Н. Новая книга Виктора Кречетова: О сб. «Солнечный сентябрь» // Новый Петербург. 2000. 20 янв.; Беззубцев-Кондаков А. Символика судьбы // Музы на Фонтанке. 2000. Вып. 7. СПб., 2000. С. 126–129; Муриков Г. Отражения // Лит. Петербург. 2001. № 3.

В. Н. Запелалов

КРЕЧЕТОВ Сергей (настоящее имя Сергей Алексеевич Соколов) [25.9(7.10).1878, Москва — 14.5.1936, Париж] — поэт, критик, издатель.

К. родился в богатой семье, окончил юридический ф-т Московского ун-та и был присяжным поверенным. Увлёкшись поэзией, стал выступать со своими стихами; в 1902 появились его первые публикации в ж. «Северные цветы».

В 1903 К. организовал изд-во «Гриф» и начал выпускать альм. под тем же названием. В альм. печатались произведения преимуще-

С. А. Кречетов

щественно молодых, неизвестных поэтов, в т. ч. и самого К., но появлялись и стихи таких признанных мэтров, как К. Бальмонт, В. Брюсов и др. В 1903–05 вышло 3 номера альм. Еще один, юбилейный, появился в 1914.

Изд-во «Гриф» было задумано как пристанище лит. молодежи. В нем увидели свет первые книги А. Блока («Стихи о Прекрасной Даме», 1905), В. Ходасевича («Молодость», 1908), М. Волошина («Стихотворения», 1910). Вышли в нем и оба поэтических сб. К. Стихи сб. **«Алая книга»** (1907) были выдержаны в духе старой романтики; книга оказалась ничем не примечательной. «Строфы и строки можно переставлять как угодно,— писал А. Блок.— Некоторое влияние В. Брюсова и А. Белого было слишком внешнее и не помогло автору „Алой книги“ стать поэтом. Оригинальных мыслей, образов и напевов у Сергея Кречетова совсем нет» (Блок А. СС. М.; Л., 1982. Т. 5. С. 158). «Стихи „Алой книги“ прежде всего очень громки, а потом очень скучны. Однообразная шумиха слов, все одни и те же приемы стиха, скудный словарь, сходные выражения и почти неизменный один размер утомляют читателя после первых страниц»,— отмечал В. Брюсов в статье «Новые сборники стихов» и выносил суровый приговор поэту: «Г. Кречетов, быть может, обладает разными талантами, но в поэтическом даре ему отказано — в этом сомневаться более невозможно» (Весы. 1907. № 5).

Вторая книга, выпущенная К. также в своем изд-ве, называлась **«Летучий голлан-**

дец» (1909). Ей В. Брюсов посвятил уже не несколько абзацев в обзорной статье, а отдельную рецензию. «За два года <...> г. Кречетов сделал, бесспорно, значительные успехи в умении писать стихи. Он расширил свой словарь, овладел разнообразными ритмами, стал больше внимания обращать на звуковую сторону стиха. <...> Однако и в новой книге г. Кречетова отрицательная сторона решительно преобладает над положительной». В конце рецензии В. Брюсов был уже не так категоричен, как при оценке первой книги К.: «Зная, что г. Кречетов умеет работать, можно надеяться, что он впоследствии овладеет стихом вполне» (Русская мысль. 1910. № 2). А. Блок тоже написал рецензию на стихи К., в которой отметил, что «вторая книга его стихов и по строгости выбора и по форме значительно превосходит первую», тем не менее подчеркнул: «Надо признать, что он любит мир поэзии вообще, и любит его по-настоящему, заветной любовью. Если он не поэт, то у него есть заветное в искусстве» (СС. Т. 5. С. 653).

У К. хватило мужества и худож. чутья осознать свое истинное место в поэзии, и хотя ничто не мешало ему издавать свои произведения в собственном изд-ве, он предпочел целое десятилетие стихов не писать, а в «Гриффе» выпускать книги А. Белого, Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Толстого, И. Северянина.

Помимо издательской деятельности К. был редактором лит. части ж. «Искусство», организатором и руководителем ж. «Золотое руно», выпускал собственный ж. «Перевал», заведовал лит. частью газ. «Час», вел критические обзоры в газ. «Утро России», по-прежнему уделяя много внимания молодым поэтам, поддерживая, в частности, ранние книги Н. Клюева («Сосен перезвон»), И. Эренбурга («Я живу» и «Одуванчики») и др. авторов. В истории лит-ры начала XX в. имя К. прошло через творческую судьбу мн. поэтов.

С началом Первой мировой войны К. прекратил деятельность своего изд-ва и ушел на фронт. Вскоре вышла книга его очерков **«С железом в руках, с крестом в сердце. Записки прапорщика»** (1915). В том же году он был ранен и попал в плен, откуда вернулся только в 1918 после заключения Брестского мира. Не приняв Октябрьскую революцию, К. почти сразу по возвращении на родину уехал на юг, вступил в ряды Добровольческой армии и стал одним из идеологов Белого движения. В 1920 К. эмигрировал в Париж, где в изданном Комитетом помощи русским литераторам и ученым альм. «Рус-

ский сб.» опубликовал стих. **«Литовские парки»**.

В 1922 К. перебрался в тогдашнюю столицу русского лит. зарубежья — Берлин. Там он руководил ж. «Русская правда», организовал свое изд-во «Медный всадник» и альм. под таким же названием. Альм. вышел лишь единожды, и в нем К. опубликовал свой рассказ **«Командарм»** (1923), а в изд-ве вышла третья и последняя поэтическая книга К. **«Железный перстень»** (1924).

В последние годы жизни К. лит. активности не проявлял. В 1925 было опубликовано одно из последних его стих. **«За ранней обедней»**, в 1926 — лит. воспоминания. После прихода к власти фашистов К. покинул Германию и поселился в Париже. Там он и скончался. В. Ходасевич в газ. «Возрождение» посвятил ему некролог-воспоминание «Памяти Сергея Кречетова».

Соч.: Переписка с А. Блоком // ЛН. М., 1980. Т. 92. Кн. 1.

Лит.: Белый А. Начало века. М.; Л., 1933; Белый А. Между двух революций. Л., 1934; Лавров А. Перевал // Русская лит-ра и журналистика начала XX в. 1905–1917. М., 1984. С. 174–190; Петровская Н. Воспоминания // Минувшее. М., 1992. Вып. 8.

В. В. Попов

КРЖИЖАНОВСКИЙ Сигизмунд Доминикович [30.1(11.2).1887, Киев — 28.12.1950, Москва] — прозаик, драматург, переводчик, литературовед.

Родился в польской католической семье. В 1913 окончил одновременно юридический и филол. ф-ты Киевского ун-та. Увлекался философией. Дебютировал в печати в 1910, отсчет своей писательской биографии вел с рассказа **«Якоби и „якобы“**» (Зори. 1919. № 1 [под псевд.]). С 1922 и до смерти жил в Москве, истории которой посвятил цикл очерков **«Московские вывески»** (Тридцать дней. 1925. № 3–5) и повесть в письмах **«Штемпель: Москва»** (Россия. 1925. № 5). В дальнейшем тема Москвы будет неотъемлемой частью прозы К.

Уже в первых произведениях проявились особенности его писательской манеры, сформулированной самим К. так: «Обращаться с понятиями, как с образами, соотносить их, как образы».

Используя классические лит. сюжеты, писатель переосмысливает их и пытается постичь особенности своего времени.

Так, в повести **«Возвращение Мюнхгаузена»** (1927), написанной в манере

Свифта и Гоголя, он отказался как от приключений, так и от политической сатиры. Его Мюнхгаузен — философ, фантаст, мечтатель, фехтующий против истины, «парирующий факты фантазмами».

В повести **«Воспоминания о будущем»** (1927) — своеобразном отклике на трагически сгущающуюся атмосферу советского общества — главный герой Макс Штерер при помощи изобретенного им «времетра» переносится на несколько десятилетий вперед (до 1951) и видит картины «светлого будущего»: «Нищие, кровь и гневом потравленные года, когда гибли посевы и леса, но восставал лес знамен, они мнились мне голодной степью, я проходил сквозь них, как сквозь пустоту, не зная, что... что в ином настоящем больше будущего, чем в самом будущем».

1920–40-е были самыми плодотворными в жизни писателя: написаны повести **«Странствующее „странно“»** (1924), **«Клуб убийц букв»** (1926), **«Материалы к биографии Горгиса Катафалаки»** (1927); подготовлены 2 редакции состоящей из 29 новелл книги **«Сказки для вундеркиндов»** (1922, 1927) и несколько сб. рассказов (**«Чем люди мертвы»**, **«Чужая тема»** и др.).

Несмотря на то, что в 1939 он был принят в СП, К. так и не смог опубликовать ни одно-

С. Д. Кржижановский